

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОЖНОГО БУДУЩЕГО I-ГО В РУССКОМ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.

Имре Х. Тот – Эдэн Хоргоши

(H. Tóth Imre, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2. – Horgosi Ödön, H-5100 Jászberény, Szövetkezet u. 5.)

В индоевропейском праязыке согласно данным литовского, греческого и индоиранских языков существовала синтетическая форма будущего времени, образованная формантом *-s-, к которому был прибавлен элемент **iol/*ie* (Erhardt 1989, 183). Следы этой синтетической формы сохранились русской редакцией древнеболгарского языка в причастиях **бзшащ-**: **бзшащєнє**, **бзшащєнє** (Ван-Вейк 1957, 322). Характерной инновацией общеславянского языка было возникновение **аналитической системы** будущего времени у глаголов несовершенного вида. Взамен индоевропейского будущего времени в общеславянском языке возникли описательные конструкции для выражения будущего времени, которые хорошо представлены древнеболгарским языком. Первый тип был образован с помощью спрягаемых форм вспомогательных глаголов **имамь**, **хошя**, **научья**, **взуня**, к которым прибавлялась форма инфинитива (Vondrák 1912, 519). Второй тип образовался сочетанием глагола **бядя**, **бядеши** с эловым причастием: **бядя шьлз**. Так как нас интересует первый тип описательного будущего, его второй тип в дальнейшем мы оставляем вне внимания.

В древнерусском языке первый тип описательного будущего времени образовался довольно своеобразно. Образование форм будущего времени делалось – как на это было указано Э. Кжижковой (Křížková 1960, 110, 111, 120, 127, 147) – с помощью **модальных и фазовых глаголов**. К модальным глаголам принадлежали глаголы **имамь** и **хоучоу**. Фазовыми являются глаголы **имоу**, **научоу**, **поучоу**, **оучоу**, **заучоу**, **станоу**. Своеобразной спецификой развития

будущего времени было проявление глагола боѡдоу в функции вспомогательного глагола.

Наши данные свидетельствуют о том, что в древнерусском языке не было особых форм, с помощью которых можно выражать будущее время.

Большое разнообразие, "пестрота" возможностей образования сложного будущего I-го у глаголов несовершенного вида указывает на то, что в древнерусском языке не была полностью стабилизирована система будущего времени (Кузнецов 1953, 251). Главным недостатком конструкций со вспомогательными глаголами хоуоу, науьноу, поуьноу, имоу + инфинитив было то обстоятельство, что вспомогательные глаголы, употреблявшиеся и самостоятельно, в описательных конструкциях сохраняли свое основное лексическое значение, указывая на долженствование, начало, возможность глагольного действия. Иррадиация основного лексического значения сделала эти конструкции многозначными. Полисемия вспомогательных глаголов – с течением времени – была вытеснена введением глагола боѡдоу в функции вспомогательного глагола. Глагольные формы боѡдеши и пр. были более нейтральными, т.к. они указывали только на совершение глагольного действия в будущем. В русском и белорусском языках стабилизация будущего, несомненно, связана с появлением конструкции боѡдоу + инф. Однако вопрос появления, распространения интересующей нас конструкции на восточнославянской почве является довольно проблематичным.

Первое, несомненное употребление этой конструкции относится почти к концу XIV в.: боѡдемз держат (1388) в грамоте Корибута. Следующая по очереди форма находится в статуте 1529 г.: бѡдѣть стояти. Однако эти примеры относятся не к русской, а к западнорусской территории (Дурново 1924, 343). В старорусском переводе статутов Казимера Великого и Владислава Ягелло, который восходит к концу XIV или к началу XV в., будущее время выражено с помощью связки бѡдѣ: бѡдѣ^т чинити, бѡдѣ^т ховать, бѡдѣть взити (Vandas 1966, 50). Эти конструкции могут объясняться

польским влиянием. На великорусской, а точнее на московской почве самый ранний пример на употребление данной конструкции проявляется лишь в 1450 г. в послании митрополита Ионы: *а ѿ тѣхъ будуще отъ нихъ боронитъ закономъ Божиимъ*. У того же митрополита встречается и второй пример: *будете каждаи по своемуу христьянствоу жити* (1455–1461). Только во второй половине XV в. эти конструкции начинают распространяться в дипломатической переписке (Křížková 1960, 175). Однако происхождение конструкции *буду + инф.* все же нельзя считать окончательно решенным вопросом. В 1952 г. проблема происхождения интересующей нас конструкции была поднята К. Рёзлером (Rösler 1952). Рёзлер выдвинул интересную гипотезу, согласно которой конструкцию *буду + инф.* следует отнести к влиянию немецкой описательной формы *werden + инф.* Она проявилась – как результат немецкого влияния – в западнославянских и восточнославянских языках, причем она частично проникла и в чакавские и в штоковские диалекты хорватского и сербского языков. К. Рёзлер установил также и хронологию возникновения новой конструкции в славянских языках. Новая конструкция в чешском языке проявляется уже к концу XIII в., в польском же – во второй половине XIV в. Проявление этой конструкции и в белорусском языке К. Рёзлер относит к XIV в. В украинском языке она встречается в XVI в. На великорусской почве новая конструкция распространяется в XVII в. (Křížková 1960, 173). Гипотезу К. Рёзлера разделяет и французский ученый Ф. Кокрон (Cocron 1962, 249). Чешский исследователь Э. Кжижкова подвергла основательной критике теорию К. Рёзлера, указывая на слабые стороны его теории. Она подчеркнула, что в западнославянских языках конструкция *буду + инф.* возникла самостоятельно, независимо от немецкого влияния. В развитии этих конструкций в немецком и славянских языках она видит параллельное явление (Křížková 1960, 107). В поддержку критики Кжижковой можно привести тот факт, что интересующие нас конструкции в московских дипломатических документах встречаются уже во второй половине XV в. (Křížková 1960, 175), т.е. раньше, чем это возможно предполагать на основе гипотезы К. Рёзлера.

Правда, эти ранние примеры проявляются в дипломатических актах с Польшей.

Рассматривая судьбу конструкции *буду + инф.* в западнославянских и восточнославянских языках, в частности в русском языке, Э. Кжижкова приходит к заключению о том, что проявление этой конструкции нельзя приписать чужому влиянию ни в западнославянских, ни в восточнославянских языках (Křižková 1960, 179). Происхождение будущего сложного *буду + инф.* в славянских языках – среди них и в русском – также нельзя возвести к западнославянскому, в частности к польскому влиянию, поскольку в этих языках эта конструкция развивалась естественным путем – подчеркивает исследователь (там же). Точка зрения Э. Кжижковой позднее была поддержана и известным специалистом по исторической грамматике русского языка, В. Кипарским (Kiparsky 1967, 235). По мнению А.П. Власто (Vlasto 1988, 164), образование *буду + инф.* распространялось в Москве с запада, из Белоруссии, где полонизмы были очень часты.

Рассмотрев высказывания разных специалистов о происхождении конструкции *буду + инф.* в великорусском языке, мы должны согласиться с мнением покойной А. Пеннингтон о том, что специалисты – несмотря на обилие материалов – пока не в состоянии дать окончательный ответ на вопрос о возникновении этой конструкции (Pennington 1968, 47).

В нашем сообщении мы поставили перед собой цель – исследовать употребление описательного будущего времени типа *вспомогательный глагол + инф.* (в дальнейшем: сложное будущее I-ое) в памятниках XVII и начала XVIII вв. Выбор этого периода был продиктован тем моментом, что конструкция *буду + инф.* в памятниках русского языка в XVI в. еще довольно редка. Она становится более частой только в памятниках XVII в. (Кузнецов 1959, 245). Однако памятники указанного периода имеют большое разнообразие в оформлении сложного будущего I-го. Таким образом, памятники данного периода отражают во всей своей полноте большую вариантность в оформлении конструкций с будущим временем.

XVII в. в истории русского литературного языка выделяется

тем, что именно в этом веке получает доступ в письменность русский разговорный язык (Ларин 1975, 250). Вследствие этого памятники письменности данного периода являются пригодными для изучения разговорной речи (Мещерский 1981, 127). Книга профессора С.Д. Никифорова (1952) дает довольно подробную и достоверную картину о способах образования сложного будущего I-го в XVI в. Однако изучение русского языка XVII в. и в частности формирование будущего сложного I-го таит в себе много ценной информации.

Мы считаем целесообразным выявить некоторые особенности сложного будущего времени в памятниках народно-разговорного языка XVII и начала XVIII вв. Один из специалистов по изучению народно-разговорного языка, С.И. Котков (Памятники... 1965, 4), особенно выделяет важность исследования писем и грамоток, подчеркивая: "Мы не знаем других старинных источников, в которых с такой широтой пробивалась бы живая народная речь, как в этих письмах и грамотках". Конечно, изучение памятников народно-разговорного языка имеет свою ограниченность, сущность которой остроумно была сформулирована профессором Б.О. Унбегауном (1971, 273): "Уже само изучение разговорного языка по письменным памятникам [...] является парадоксом". "Кроме того, – продолжает он, – даже тексты, казалось бы, наиболее близкие к строю разговорной речи, написанные на так называемом деловом языке, все же значительно отклоняются от этого строя, следуя правилам выработанной письменной традиции особенно в XVII в." (Унбегаун 1971, 273). Учитывая положение Б.О. Унбегауна, мы можем заявить, что даже те памятники, которые были написаны с сугубо утилитарной целью, не свободны от традиций литературно-книжного языка и поэтому не являются однородными в языковом отношении. Следовательно, имея определенные элементы книжного налета, они не в одинаковой мере отражают народно-разговорный язык. Другими словами, памятники народно-разговорного языка отражают не только особенности народно-разговорной речи, но одновременно в них существуют и традиции предыдущих эпох: они сохраняют в себе архаизмы и реликты церковно-книжной речи. Несомненно, что неоднородность народно-разговорного

языка дает себя знать и в разнообразии выражения сложного будущего I-го.

Изопубликованных памятников народно-разговорного языка мы воспользовались следующими данными:

I. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. Издание подготовили С.И. Котков и Н.И. Тарабасова. Москва, 1965.

II. Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Издание подготовили: С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. Москва, 1968.

III. Грамотки XVII – начала XVIII века. Под редакцией С.И. Коткова. Москва, 1969.

Приступая к анализу указанных выше памятников, мы определили границы наших наблюдений следующим образом:

1. Нас интересовали только формы сложного будущего I-го, поэтому формы сложного будущего II-го были оставлены вне внимания.

2. Мы не изучали те конструкции, которые не выражают будущее время. Говоря более конкретно, а) конструкцию *будет*, *будут* + инф. и дат.п. личных местоимений, имеющую другую функцию; б) конструкцию *будет* + спрягаемые формы глагола (1л. ед.ч. и 1л. мн.ч.), в которой *будет* имеет значение условного союза.

Учитывая пестроту наших данных, мы сочли уместным коротко охарактеризовать разнообразие конструкции сложного будущего I-го в древнерусском и русском языках, выделяя при этом их хронологию и семантику.

До XVII в. в памятниках древнерусского и старорусского языков для образования будущего времени были возможны следующие сочетания:

1. Сочетание *имамь* + инф. представлено в древнерусских текстах с XI в.: *имамь рещти* (Изб. 1073), *имать сзхранититя* (Новг.Син. под 1495) (Křížková 1960, 112, 116). Это сочетание, передающее греческую конструкцию с глаголом $\epsilon\chi\omega$, "можно отнести за счет древнеболгарского влияния" (Никифоров 1952, 180).

2. Конструкция со вспомогательным глаголом *хоуоу*, восходящая к древнеболгарскому языку, представлена Лаврентьевским списком летописи: *хоуемь сна и еще бити сна* (под 1017), *хоуоу на тапити* (под 1093), *мзи хоуомз богоу жаловати са* (под 1300). Это сочетание, часто встречаемое в летописях, однако, в грамотках употребляется реже (Соболевский 1907, 238).

3. Сочетание с глаголом *имоу* (от глагола *яти*) следует отделить от конструкции с глаголом *имамь*, как на это указала в свое время Э. Кжижкова (Křižková 1960, 127). Ее заслугой является то, что она отделила друг от друга эти конструкции (Issatschenko 1983, 389). Сочетание с *имоу* засвидетельствовано от XII в.: *не имоуть створити* (XII в.), *иметь жалобитися* (1284). Оно было широко распространено в древности в летописях, житиях, грамотах. Этим фактом объясняется то, что его реликты сохранены псковскими, новгородскими, костромскими и ярославскими говорами (Русская диалектология 1990, 133). Сохранность этого типа будущего говорит в пользу того, что он принадлежал к живому языку. Сочетание употреблялось в говорах Москвы и Суздальской земли. Этим обстоятельством объясняется его употребление и в деловых памятниках XIV–XV вв. в центральных областях (Кузнецов 1959, 241).

4. Сочетание инфинитива с глаголом *почати* известно с XII в.: *почьнемь хотѣти отънати* (Грам. Мстислава Великого от 1130 г.). Оно часто встречается в московских грамотах XIV–XV вв., хотя его употребление в Москве не было преобладающим (Křižková 1960, 141). Это сочетание известно и из двинских грамот XV века. Как очень редкое явление оно употребляется и в диалектах (Русская диалектология 1990, 133).

5. Сочетание глагола *начати* с инфинитивом представлено уже в XI в.: *плакати са рѣдати научьмьте* (Изб. 1073 г.). Оно очень часто встречается в летописях (Křižková 1960, 139). Вряд ли оно было известно в разговорном языке (Křižková 1960, 140).

6. Сочетание глагола *оучати* с инфинитивом встречается в

памятниках сравнительно поздно: *хто ... оуунеть ... жити оуунеть жити твоиѡхъ боѡрѡзъ въ твоѡи вѡтчинѡ* (1405), *оууноуѡмъ пѡудловати сѡ* (Домострой). По мнению П.С. Кузнецова (1959, 243), этот тип будущего времени распространяется во второй половине XVI в. Э. Кжижкова предполагает, что эта форма является типичным московским новообразованием. Из московского говора оно переходит в язык московских грамот. Посредством московских грамот данная форма проникает в южнорусские грамоты (Křizková 1960, 142–143). Этой характеристике употребления данной конструкции противоречит положение М.А. Соколовой (1957, 140), установившей, что сочетание *ууну* + инф. "было живой нормой языка XVI в., достоянием всех его стилей". Это противоречие может быть снято, если предположить, что форма *ууну* + инф., проникнув в московский административный язык, сохранилась там. В XVII в. сочетание *оууноу* + инф. становится принадлежностью административного языка (Соснон 1962, 239). Его реликты очень редко можно отметить и в говорах: *учну реветь* (Русская диалектология 1990, 133).

7. Вспомогательный глагол стати + инф. впервые отмечается в XII в.: *станеть тѡжѡтисѡ свѡтѡзимъ пѡнтелеимѡномъ* (Новгородская грамота 1146–1155 гг.) В XII в. вспомогательный глагол *стану* встречается еще редко (Никифоров 1952, 178). Однако в XVII в. его употребление можно отметить во всех жанрах (Křizková 1960, 146). Это свидетельствует о быстром распространении этой конструкции.

8. Вспомогательный глагол *зачьноу* с инфинитивом впервые встречается в XVII в.: *как зачноу я всѡхъ троихъ васъ доубинкой греть* (Křizková 1960, 145).

Разнообразие выражения сложного будущего I-го – как мы увидим в дальнейшем – характерно и для наших источников.

I. В "Памятниках русского народно-разговорного языка XVII столетия" представлена переписка стольника А.И. Безобразова, который писал в разные города и уезды, где он имел вотчины и получал грамотки из разных местностей. Таким образом, в его кор-

респонденции отражены диалектные особенности русского языка XVII в. Грамотки А.И. Безобразова дают представление о разных диалектах русского народно-разговорного языка (Памятники... 1965, 5). В грамотках Безобразова сложное будущее I-ое выражается несколькими сочетаниями: *станоу* + инф. *буду* + инф. и, наконец, *хочу* + инф.

1. Сочетание *стану* + инф. употреблено в 29 случаях: *станут ... людишки мои м̄сти просит* (233), *станем за него приниматца* (15), *ходит стану* ((2x) 26, 27), *станет ... бит челом* (143), *стану промышлят* (51), *станет милости просит зенишко моя* (51), *станем промышлят* (64), *станем м̄сти пр̄шать* (67), *станет бит челом* (72), *станет человек ... говорит* (72), *стану молить* (76), *станут беречца* (77), *станет ... поносит* (81), *стану усматривать* (85), *станет м̄сти просит* (96), *стану наживать* (100), *стану ... прислат* (100), *станем делать* (104), *работать ему стану* (106), *станет м̄сти просит* (109), *станемся снешки ловит* (119), *станут раздеват* (119), *станет делатца* (127, 128), *станут ... бит челом* (137), *жить ... не станет* (141).

Перечисляя наши примеры, мы убеждаемся в том, что интересующая нас конструкция в большинстве случаев (в 27-и из 29-и) употребляется с глаголами несовершенного вида. Своей частотностью из наших примеров особенно выделяются обороты *стану просить*, *станоу бить челомъ*, которые являются своеобразными, характерными для канцелярского языка формулами.

2. Сочетание *буду* + инф. нашими источниками представлено богато, хотя оно употребляется реже, чем конструкция *стану* + инф. (употреблено в 20-и случаях): *будет дат мне* (27), *отпишат будет* (34), *буду ... говорит* (39), *будет взят* (52), *буду ... бит челом* (52), *я буду бити челом* (55), *буду писат* (56), *будет ... обявитца* (56), *буду ... чинит* (85), *сыскивать не будет* (36), *буду присылать* (100), *будет бити челом* (112, 195, 105), *припинать не буду* (115), *отписать будет* (123), *будет ... приказыват ко мне* (120).

Как видно из наших примеров, глагол-связка *буду* употребляется как у глаголов несовершенного вида (*бить*, *писать*, *чинить*, *сыскивать*, *присылать*, *принимать*, *приказывать*), так и у глаголов совершенного вида (*взять*, *отписать*, *обявитца*, *прислать*, *дать*).

Среди случаев употребления сложного будущего выделяется оборот *буду бить челом*, который употребляется в 7-и случаях. А другие примеры на сложное будущее составляют лишь 13 случаев. Этот факт будто бы указывает на то, что употребление конструкции *буду* + инф. более узко, чем сфера употребления конструкции *стану* + инф. Оборот *стану бить челом* был обнаружен нами только в 2-х случаях.

3. Сочетание *хочу* + инф. (употреблено в 7 случаях): *хочет мне дать* (43), *хочет жать* (44), *она хочет ... постритца* (67), *я хочу х тебе послат* (72), *хотят сами сеет* (121), *он не хочет на землю стоят* (40).

Интересно, что глагол *хочу* употребляется в перечисленных выше случаях и при глаголах совершенного вида (*дать, жать, постритца, послать*), и при глаголах несовершенного вида (*жать, сеять, стоять*). В этих случаях связка *хочу* могла выражать будущее время не только с помощью глаголов несовершенного вида, но и в сочетании с глаголами совершенного вида. В таком случае глагол совершенного вида указывает на необходимость наступления в будущем (Ломтев 1961, 305). И все же эти формы можно считать выразителями будущего времени с определенным оттенком глагольного действия.

Подводя итоги нашим наблюдениям относительно форм сложного будущего I-го в наших источниках, мы можем сделать определенные выводы:

1. Будущее время выражается сравнительно небольшим "комплексом" вспомогательных глаголов. Из теоретически возможных вспомогательных связок выступают только глаголы *стану, буду, хочу*, другие глаголы в этих конструкциях не употребляются.

2. Соотношение конструкций *стану* + инф. и *буду* + инф. и конструкции *хочу* + инф. – 49:7 в пользу первых. Мы знаем, что сочетание *хочу* + инф. почти не встречалось в грамотках, но в летописях оно не редко. По всей вероятности, данное сочетание восходит к церковнославянскому влиянию, которое в памятниках народно-разговорного языка не является преобладающим. С другой стороны, небольшое количество употребления последней нашей

конструкции объясняется и тем обстоятельством, что иррадиация основного значения вспомогательного глагола сделала эту конструкцию непригодной для выражения будущего времени. Употребление вспомогательного глагола *хочу* в народно-разговорном языке можно считать остатком прошлого.

3. В наших материалах нет примеров на употребление глагола *учну* в функции вспомогательного глагола, хотя в этой функции он фигурирует с XV в. Отсутствие образования *учну* + инф. объясняется тем, что в разговорной речи оно отсутствует (Горшкова, Хабургаев 1981, 323).

4. Наши данные свидетельствуют о переходной стадии выражения сложного будущего времени к такому периоду, когда будущее время выражено лишь двумя конструкциями, а именно: сочетанием *стану* + инф. и сочетанием *буду* + инф., что является характерным для второй половины XVII в. (Соснон 1962, 239–240).

II. Если переписка А.И. Безобразова велась на народно-разговорном языке, то памятники, возникшие в Москве, независимо от непосредственного влияния церковно-книжного языка, могут дать интересные сведения относительно языка москвичей. Язык москвичей – это язык столицы, близкий к народно-разговорному языку, однако все же не совпадает с ним. Это относится прежде всего к деловому языку, который неизбежно впитывает в себя определенные элементы административного, приказного языка (напр., фразеологизмы, формуляры и пр.). Бытовая письменность, конечно, более свободная, чем деловая, от влияния канцелярского языка. В этих документах отражается русский язык XVII в., однако в его московской разновидности (Московская ... 1968, 7). Памятники московской деловой и бытовой письменности XVII в. показывают интересную картину о способах выражения сложного будущего I-го, которое представлено следующими конструкциями:

1. Сочетание *стану* + инф.: *станут на инших посланниках править лехких поминков* (33), *стану дѣлать* (41), *станет ... мѣсти просит* (42), *станем бит челом* (164), *станет воровать* (175), *платит не станет* (175), *что станет ... платить* (180), *стану ... владѣт* (152),

стану ... бит челом (152), жит ни станет (155), стану вступатца (15), дават не стану (155), кто станет ... жить (155), станем расписыват (157), ночеват не станет (173), станет вступатца (183), станет ... в книги записат (183), станут за муж дават (198), он писать не станет (219), станет ... бить челом (229), станут люди любит (260), станет говорит (263), станут запиратца (263), вороват станет (256), станете де на сем свѣте црствовать и жит' (241).

Мы приняли во внимание 25 примеров на употребление интересующей нас конструкции. Как наши примеры показывают, *стану* + инф. употребляется главным образом с глаголом несовершенного вида (*воровать, платить, жить, расписывать*), и только в одном случае вспомогательный глагол сочетается с глаголом совершенного вида (*записать*). Широкий круг глаголов со *стану* свидетельствует о том, что эта конструкция была широко распространена в московском деловом и бытовом языке XVII в.

2. Сочетание *учну* + инф.: *учнет укыватца (118), учнет ... бит челом (163), не учнет ... платит (170), не учнет правежи ставитца (170), не учнут жит (171), зерно и табак учнут жержат (171), учнут промышлят (171), учнут водитца (171), учнут приводит (171), учнет знатца (173), учнет пит и бражничет или ... дневат (173), не учнет ... на большой двор приходит (177), учнет вступатца (180), не учну очищат (181), учнет вступатис (181), учнет ... вступатца (182, 185, 187), учнут вступатца (186), учнет искати (203), учнет ставитца (204), учнут любити (239).*

Как видно из перечисленных примеров, в этой конструкции выступают как глаголы несовершенного вида (*укрываться, бить, платить, держать, водиться* и пр.), так и глаголы совершенного вида (*вступаться*). Данное сочетание в наших источниках было отмечено 22 раза.

3. Сочетание *хочу* + инф.: Оно представлено небольшим числом примеров. Мы отметили всего 7 случаев этой конструкции: *хочет денгами завладеть (69), хочет ценит сызного сверх своеи продажи (69), хотят меня ... бесчестит (73), по се число хочет завладет (77), платит не хочет ... и нас хочет убыгчить и продават (86), хочет изволичить и изубыгчить (97), хочет кормит и уморит*

гсрдню црцу (273).

4. Сочетание *буду* + инф. в наших источниках употребляется в 7-и случаях: *будеш сидет* (15), *воздат мнѣ будѣтъ* (42), *привести будѣт* (42), *на перекинских подводах* (42), *буду платит* (102), *будет объявитца мое дворовое место в черных землях* (182), *будет ... учинитца* (187), *буду тебѣ ... бить челом* (205).

Заслуживает внимания и тот факт, что глаголы-связки употребляются то с глаголами несовершенного вида, то с глаголами совершенного вида.

На основе почерпнутых нами материалов из московской деловой и бытовой письменности можно сделать некоторые выводы относительно форм сложного будущего I-го.

1. Преобладающими образованиями являются конструкции *стану* + инф. и *учну* + инф. Первая представлена 25-ю, а вторая – 22-мя примерами. Незначительный перевес связки *стану* позволяет думать, что в московском деловом и бытовом языке эти конструкции конкурировали друг с другом.

2. Сравнивая наши данные между собой, бросается в глаза значительный и стремительный рост конструкции со связкой *учну*. В "Памятниках русского народно-разговорного языка XVII столетия" образования со связкой *учну* не были представлены. Их отсутствие в памятниках разговорной речи объясняется, по всей вероятности, тем, что конструкция *учну* + инф. не принадлежала к народно-разговорному языку. Однако, в "Актах русского государства (1505–1526)" это образование является господствующим. Нами были обнаружены здесь такие конструкции, как: *учнут жити их людеи* (1506, 1520 (2х)), *учнет жити людеи* (1506, 1507, 1509, 1519, 1520), *А хто у них учнет ставити [сь] на лузѣх и хто учнет травити хлѣб, рожь и ярь силно [sic!]* и *хто учнет имати у хр[е]стиан свои кормь* (1523), *учнет жыти людеи* (1506, 1523), *учнет ... то селищю выкупать* (1525/26). Однако реже можно отметить и образование со связкой *станет*: *не станет род мой стояти за село* (ок. 1521). Известно и сочетание с *почну*: *почнет ... тѣ деревни выкупит* (Акты... 1975, 23, 27).

С.Д. Никифоров (1952, 178), рассматривая формы сложного

будущего времени в XVI в., на первое место выдвигает образования со связкой *учну*. По его наблюдениям, конструкция со связкой *стану* употребляется "значительно реже".

Если наблюдения С.Д. Никифорова считать характерными для языка XVI в., то мы можем установить, что в XVII в. конструкция со связкой *стану* начинает сильно распространяться в ущерб других конструкций.

3. В "Московской деловой и бытовой письменности XVII века" образование *буду* + инф. встречается реже, чем в народно-разговорном языке. Возможно, что в деловых и бытовых документах под влиянием административного языка образование *учну* + инф. употребляется чаще, в отличие от народно-разговорного языка, который или редко прибегает к этой связке, или вовсе не употребляет ее.

III. Наконец, для анализа остались нам грамотки конца XVII и начала XVIII веков. Грамотки представляют собой частные письма, для которых административный стиль не является обязательным.

В "Грамотках XVII - начала XVIII века" будущее сложное I-ое выражается несколькими образованиями.

1. Сочетание *стану* + инф. было отмечено нами в 58-и случаях: *я стану ему о том говорит* (20), *станем писат* (24), *стану м̄лсти просит* (32), *кто станет вступат* (41), *станут делать дела* (55), *стану ходит* (55, 273), *станем стоят* (56), *станет бит челом* (61, 103, 110), *грамоту станут ... отпускат* (67), *станет тебѣ об этом говорит* (68), *стану ходит* (69), *станут м̄лсти просит* (71), *просит станет* (79), *станет спорит* (83), *держат не стану* (85), *станут орать да землю готовить* (86), *сеет не станут* (86), *станут бит челом* (86), *станут нас имать* (86), *станет молот* (87), *станет делатца* (87), *станет просить* (89), *писат стану* (103), *станем ... м̄лсти просит* (106), *стану говорит* (114), *стану мирит* (114), *стану промышлят* (114), *станет ... делатца* (116, 190, 259), *станет ходит* (116), *писат стану* (131), *стану ... строит* (138), *станем искат* (180), *станем писат* (180), *станут на Москве м̄лсти тбоей докучат* (188), *станет говорит* (194), *станем*

писат (195), *станет здѣлатца* (196), *станем над нею промысль чинит* (202), *станем класть* (202), *удельывать станем* (214), *станы класть* (221), *стану писат* (238), *станут дѣлат* (237), *станут ступат* (242), *станем спрашиват* (252), *станет говорит* (265), *станем ... у бога млсти спросит* (265), *станут з городов присылать* (269), *присылать не станут* (296), *жит станет* (271), *станут бит челом* (288, 293), *не стану делать* (306).

Данные наших источников свидетельствуют о том, что формы будущего I-го образованы при помощи глагола-связки главным образом от глаголов несовершенного вида (*бить, говорить, просить, ходить, стоять, спорить, держать*). Исключение от этой нормы представлено лишь двумя случаями (*зделаться, спросить*). Связка *стану* сочетается с довольно широким кругом глаголов, не только с такими, как *просить милости, бить челом*, которые являются очевидными формулярами. На этом основании мы можем заявить, что конструкция *стану + инф.* служила широкой базой для образования будущего сложного I-го.

2. Сочетание *буду + инф.* также часто встречается для выражения будущего сложного. Нами было подсчитано 60 случаев употребления этой конструкции: *не буду стоять* (12, 13), *будет купить* (18), *платит буду* (29), *ожидать будем* (40), *будут к вам переписывать* (64), *отказыват будут* (56), *писать буду* (87), *будем бит челом* (92, 270), *буду бить челом* (99, 102, 108, 115, 116, 150, 164 (2x)), *люди будут посылат* (121), *муку буду отдават* (121), *не буду стоят* (121), *будет млсти спросит* (148), *не буду желать добра* (161), *буду писать* (162, 163, 164, 191, 192, 196, 233), *буду платит* ((2x) 164), *будет лучитца* (174), *будем писат* (179, 181, 184, 190, 196/197, 209, 229, 237, 244, 273), *изскат будет там* (180), *справит будем* (200), *промысль будем чинить* (206), *свозит будем* (214), *замещатца будем* (214), *послат будем* (215), *дѣлат вновь будем* (216), *буду денги являт* (253), *буду у вас остават* (254), *брать не буду* (254), *будет здѣлат* (259), *остудитца не будем* (270), *буду за работу подание подават* (284), *не буду дѣлат* ((2x) 293).

Наши данные свидетельствуют о широком употреблении конструкции *буду + инф.* в значении будущего сложного I-го. В

этой конструкции также можно отметить преобладание глаголов несовершенного вида, которые употреблены при глаголе-связке *буду* для выражения будущего времени лишь в 4-х случаях (*послать, дѣлать, отстудится, справить*). Глагол-связка сочетается не только с такими глаголами, которые можно считать формулярами (*бить челом, милости просить*), но и с другими глаголами: *писать* (21 раз), *посылать, дѣлать* и пр. Это обстоятельство свидетельствует о том, что конструкция *буду* + инф. была широко распространенная форма выражения сложного будущего I-го.

3. Сочетание *учну* + инф. для выражения будущего времени было отмечено нами всего в 11-и случаях: *учнет хранить* (11, 13, 17, 23), *я учну говорит* (19), *учнет вперед чинитца* (23), *учнет бгъ миловать* ((2х) 146), *учнет делатца* (171), *учнет бити челом* (282), *учнут ... бить челом* (313).

4. Сочетание *хочу* + инф. представлено всего лишь 7-ю примерами: *будь не хочет платить* (36), *она и не жить хочет в Серѣгове* (112), *хочю брести* (220), *безвинно хочет оскорбить* (258), *отдавать не хотят* (258), *будет и хочет писать князю Борису* (281), *хотят меня убогого убить* (303).

Рассмотрев наши данные о формах будущего времени, мы можем сделать следующие выводы:

1. Наряду с глаголами *стану, буду, хочу* и глагол *учну* проявляет функции связки, данный глагол считается специальной формой московской деловой письменности. Однако нет примеров на употребление глаголов *имамь, иму, начну, (почну)* в функции вспомогательного глагола.

2. Конструкции *стану* + инф., *буду* + инф. преобладают над остальными средствами выражения будущего сложного I-го. Это доказывается их соотношением. Соотношение образований *стану* + инф., *буду* + инф. и других конструкций – 120:18 в пользу сочетаний со связками *стану, буду*, которые представляют собой ведущие формы сложного будущего I-го.

Если подвести итоги нашим наблюдениям об образовании форм сложного будущего времени I-го в народно-разговорном языке XVII – начала XVIII веков, то мы можем установить следующее.

1. По сравнению с более ранними памятниками русского языка памятники народно-разговорного языка ограничивают употребление некоторых связок, известных из истории более ранней письменности. В рассмотренных нами источниках не встречаются глаголы-связки *имамаь, имоу, науьноу, поуьноу*.

2. В народно-разговорной письменности мы встретили следующие вспомогательные глаголы: *стану, буду, учну, хочу*. Однако в употреблении их можно отметить определенные расхождения.

В "Памятниках русского народно-разговорного языка XVII столетия" ведущую функцию выполняет глагол-связка *стану*. На втором месте стоит связка *буду*. На третьем месте выступает вспомогательная связка *хочу*, которая была чуждой языку грамоток. Несомненно, что для языка этих материалов ведущими образованиями мы можем считать формы *стану* и *буду*. Конструкции с *хочу* + инф. можно считать безусловными архаизмами, восходящими к языку летописей.

3. В памятниках московской деловой и бытовой письменности XVII века можно установить сосуществование глаголов-связок: *стану, учну, буду* и *хочу*. Связки *стану* и *учну* конкурируют между собой. В этих материалах на месте конструкции, известной из "Памятников русского народно-разговорного языка XVII столетия", *буду* + инф. выступает сочетание *учну* + инф., вытесняя образование *буду* + инф., которое встречается и в московских документах, всего лишь в 7-и случаях. По всей вероятности, для деловой и бытовой письменности Москвы было характерно наличие образований со связками *стану* и *учну*. В этом отношении следует указать на то, что данный способ выражения будущего сложного стоит очень близко к практике XV в., согласно которой употребляются вспомогательные глаголы: *учну* и *стану* (Никифоров 1952, 78). Варианты со вспомогательными глаголами *хочу* и *буду* неодинаковые: *хочу* + инф. – устаревшая, старая форма, тогда как *буду* + инф. – новая, по всей вероятности, не местная, а "привносная" конструкция. Но именно ей принадлежит будущее. Если бы употребление глагола-связки *буду* было бы местной, московской

чертой, то количество образований с ней было бы значительно больше в деловой и бытовой письменности. Наши наблюдения в основном сходятся с наблюдениями С.И. Коткова (1974, 265), который устанавливает, что в московской речи в начальный период становления русского национального языка в образовании форм будущего времени в качестве вспомогательного глагола выступают *стати* и *учати*.

Имея в виду то предположение, что конструкция со связкой *учну* была раньше живой нормой языка во всех стилях, с определенной долей вероятности можно допустить, что в языке Москвы она долгое время сохраняла свою продуктивность, превращаясь в особенность делового (административного) языка.

4. В "Грамотках XVII - начала XVIII века" мы можем отметить сосуществование нескольких глаголов-связок для выражения сложного будущего I-го. В этой функции выступают вспомогательные глаголы *стану*, *буду*, *учну*, *хочу*. Первое место из них занимает образование *стану* + инф. Однако конструкция *буду* + инф., стоящая на втором месте, конкурирует с ней. Она, по всей вероятности, вытеснила сочетание *учну* + инф., которое было широко представлено памятниками московской деловой и бытовой письменности. И все-таки некоторые реликты этого сочетания попали в народно-разговорный язык, образуя в нем своеобразный налет делового, бытового языка. Редко встречается архаическое образование *хочу* + инф.

Картина, которую можно составить на основе данных этих грамоток, ведет к той системе, которая описывается в грамматике Г.В. Лудольфа. В своей грамматике Лудольф (Ludolf 1696/1969, 30) отмечает: "Futurum fit addendo ad infinitivum *вуду, нестану*". Этот факт в специальной литературе часто подчеркивается (напр., Горшкова, Хабургаев 1981, 324). Однако заслуживает внимания то, что в части грамматики, посвященной "практическим занятиям" по русскому языку, автор приводит примеры только на употребление связки *стану*: *а нестану ъстз 'non manducabo'* (49), *погнѣвать/са нестанеть 'non irascetur'* (59), *поздо [sic!] поуминать станутз 'sego incipient'* (68), *мзинестанемз видѣти господа 'Deum non videmus'* (76),

розумѣти станут 'qui intellegent' (80), иѣ/полнитѣ сѧ станетѣ 'implebitur' (81). Заслуживает внимания то обстоятельство, что конструкцию *стану* + инф. можно обнаружить как в разговорах на бытовую тему, так и в разговорах на тему богословскую. Это означает, что автор грамматики считал конструкцию *стану* + инф. принадлежностью живого, народного языка.

Материал грамоток в определенной степени отражает такую систему сложного будущего I-го, в которой образования *стану* и *буду* в одинаковой мере могли выражать будущее время.

Мы подчеркиваем, что эти сочетания были синонимичными. Ф. Кокрон (Сосгон 1962, 243), говоря об употреблении образования *стану* + инф., отмечает тот факт, что оно встречается при отрицании. Наши примеры не дают основания утверждать, что эта конструкция предпочитается говорящими при отрицании. В исследуемых нами материалах в отрицательном значении образование *стану* + инф. отмечалось только в 9-и случаях.

"Грамотки XVII – начала XVIII века" отражают уже иную картину об образовании сложного будущего, чем некоторые памятники XVII в. В знаменитом "Уложении 1649 года" формы будущего глаголов несовершенного вида образуются с помощью связок *учну*, *стану* (Черных 1953, 347, 348). В московской речи в начальный период становления русского национального языка С.И. Котков (1974, 267) также выделяет вспомогательные глаголы *стати*, *учати* в качестве вспомогательного глагола. По сравнению с этими наблюдениями в грамотках можно отметить определенный сдвиг в развитии сложного будущего I-го. Этот сдвиг выражается в распространении глагольной формы *буду* в качестве вспомогательного глагола.

Частная письменность, отражаемая грамотками, стоит очень близко к народно-разговорному языку: "грамотка [...] в значительной степени разговорна, поскольку обслуживает сферу неофициального, интимного общения" (Котков 1980, 63). Предполагая, что в грамотках реально отражается народно-разговорный язык, мы можем допустить, что во второй половине XVII в. и в начале XVIII в. сочетания со связкой *буду* были распространены в значительной

мере, но еще не одержали победу над конструкцией *стану* + инф. Следы этой стадии сохранены некоторыми жанрами русской литературы. В исторических песнях, сохраняющих многие устаревшие конструкции, эта стадия отражается хорошо. В песне "Осада Пскова" мы читаем следующие конструкции:

Я на первом часу возьму Опосков-град,
 На другом часу стану чистити
 На третьем часу стану стол становить,
 Стану пить, веселиться, прохладиться;

.....

А тебя, воеводу, казнить буду!

(Исторические песни 1956, 113).

В употреблении образований *стану* + инф. и *буду* + инф. язык грамоток сильно расходится с языком канцелярий, приказов. В актах "Восстания 1662 г. в Москве" (1964) можно отметить преобладание конструкций *учну* + инф. над другими образованиями сложного будущего I-го: *учнут бить в барабан* (63, 74), *не учнет ставится* (74), *учнут бит в набат* (74), *слатца учнут* (235, 242), *учнут к ним приходит сродочи* (252), *учнут говорить* (252), *учнут нам ... бить челом* (252). Грамотки хорошо показывают те изменения, которые произошли в народно-разговорном языке в области образования сложного будущего I-го по сравнению с языком приказов.

Неоднородность в образовании будущего сложного засвидетельствована и другими памятниками эпохи. Памятники архивных документов XVII и начала XVIII вв., известные под названием "Слово и дело государевы", которые, по мнению С.П. Лопушинской (1961, 3), являются "образцом делового письменно-литературного языка", свидетельствуют о сосуществовании синонимичных конструкций¹ с вспомогательными глаголами *учну*, *стану*, *буду* для

¹ Что же касается синонимичности образований будущего сложного I-го, следует указать на то, что в памятниках народно-разговорного языка XVII – начала XVIII вв. встречаются формуляры *стану бить челом*, *учну бить челом*, но нет

выражения будущего времени. К сожалению, С.П. Лопушинская не делает никаких выводов о соотношении этих форм.

Подводя итоги нашим наблюдениям над образованием сложного будущего I-го в памятниках народно-разговорного языка XVII–XVIII вв., мы пришли к следующим выводам:

1. То большое разнообразие форм описательного будущего времени, которое было характерно для древнерусского языка к XVII и к началу XVIII вв., привело к значительной перегруппировке в употреблении конструкций. К этому времени вырабатывались ведущие сочетания с глаголами-связками *стану*, *учну* и *буду*. Остальные образования, представленные нашими источниками лишь в незначительном количестве, можно считать реликтовыми, периферийными (образования с *хочу*, *имам* в литературном языке, *иму* в других разновидностях письменности данной эпохи); во всяком случае они были непродуктивными конструкциями. Продуктивными образованиями следует считать образования *стану*, *учну* и *буду* + инф.

2. В народно-разговорном языке эти три конструкции, будучи синонимичными или почти синонимичными, конкурируют между собой. Будущее принадлежит сочетанию *буду* + инф., которое к началу XVIII века побеждает в литературном языке. В народно-разговорном языке конструкции *стану* + инф. и *буду* + инф. сосуществовали долгое время, в то время как конструкция *учну* + инф. исчезла.

3. Как мы знаем, в древнерусском и среднерусском языке существовали разные образования для выражения аналитического будущего времени. Эти образования, несмотря на иррадиацию вспомогательных глаголов, в определенной степени были параллельными образованиями. Согласно наблюдениям В.А. Богородицкого (1939, 191), если в языке в течение времени порождаются новые

инф. ров на образование *хочу бить челом*. Этот пример указывает на то, что синонимичность рассмотренных конструкций можно считать в некоторых случаях только условной.

разновидности морфем (или конструкций), то вырабатываются новые оттенки значения, чтобы разграничить эти разновидности, т.к. язык стремится разграничить, дифференцировать морфемы (конструкции). Дифференциация может проявляться на уровне значения или на уровне стилистики, т.е. функции. Можно предположить, что такое функциональное приспособление имело место и в случае употребления сложного будущего I-го, формы которого прикреплялись к определенному жанру, типу, разновидности древнерусской письменности. О функциональном разграничении свидетельствуют наблюдения различных специалистов. Хорошо иллюстрируют данное положение вещей наблюдения Ф. Кокрона. Он считает конструкцию *буду* + инф. особенностью письменного языка. В сочетании *стану* + инф. исследователь видит особенность разговорного языка. По мнению ученого, образование *учну* + инф. было свойственно административному языку (Соснон 1962, 241, 246, 239). Хорошо прослеживается процесс дифференциации в истории образования *учну* + инф., которое из особенности живого языка переходило в административный язык. После функциональной дифференциации и с потерей важности административного (приказного) языка, который был неспособным соответствовать требованиям литературного языка (Issatschenko 1980, 270–271), конструкция *учну* + инф. исчезает. Из двух конкурирующих образований *стану* + инф., характерное для народно-разговорного языка (Issatschenko 1983, 389), столь долгое время конкурирующее с сочетанием *буду* + инф., в литературном языке уступало свое место последнему под влиянием письменного (но не административного) языка. Одновременно с этим движением конструкций происходит и установление (выработка) и стабилизация средств футурума, будущего времени у глаголов несовершенного вида в русском языке.

Наши данные, почерпнутые из памятников народно-разговорного языка, не дают основания для гипотез о возникновении, происхождении образования *буду* + инф.

ИСТОЧНИКИ

- Акты русского государства (1505–1526). Составил С.Б. Веселовский. Москва, 1978.
- Восстание 1662 г. в Москве. Отв. ред.: А.И. Новосельский. Москва, 1964.
- Грамотки XVII – начала XVIII века. Под редакцией С.И. Коткова. Москва, 1969.
- Исторические песни. Вступительная статья, подготовка текстов и примечания В.И. Чичерова. Ленинград, 1955.
- Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Издание подготовили С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. Москва, 1968.
- Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. Издание подготовили С.И. Котков и Н. Тарабасова. Москва, 1965.

ЛИТЕРАТУРА

- Богородицкий, В.А. 1939, Об основных факторах морфологического развития языка. В кн.: В.А. Богородицкий, *Очерки по языковедению*. Москва.
- Ван-Вейк, Н. 1957, *История старославянского языка*. Перевод с немецкого В.В. Бородич. Москва.
- Горшкова, К.В., Хабургаев, Г.А. 1981, *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Дурново, П. 1924, *Очерк истории русского языка*. Москва–Ленинград.
- Котков, С.И. 1974, *Московская речь в начальный период становления русского национального языка*. Москва.
- Котков, С.И. 1980, *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. Москва.
- Кузнецов, П.С. 1953, *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Кузнецов, П.С. 1959, *Очерки по исторической морфологии русского языка*. Москва.
- Ларин, Б.А. 1975, *Лекции по истории русского литературного языка*. Москва.
- Ломтев, Т.П. 1961, *Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков (Морфология)*. Москва.
- Лопушинская, С.П. 1961, *Глагольные формы по памятнику XVII века Слово и дел государевы*. АКД. Ленинград.
- Мещерский, Н.А. 1981, *История русского литературного языка*. Ленинград.
- Никифоров, С.Д. 1952, *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*. Москва.
- Русская диалектология*. Под редакцией В.В. Колесова. Москва, 1990.
- Соболевский, А.И. 1907, *Лекции по истории русского языка*. Москва.
- Соколова, М.А. 1957, *Очерки по истории языка деловых памятников*. Ленинград.
- Унбегаун, Б.О. 1971, Редкое выражение русской разговорной речи XVII века. В кн.: *Проблемы истории диалектологии славянских языков*. Ленинград.
- Черных, П.Я. 1953, *Язык Уложения 1649 года*. Москва.

- Cocron, F. 1962, *La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (Morphologie)*. Paris.
- Erhardt, A. 1989, *Indoeuropské jazyky*. Praha.
- Issatschenko, A. 1980, *Geschichte der russischen Sprache*. Band I. Heidelberg.
- Issatschenko, A. 1983, *Geschichte der russischen Sprache*. Band II. Heidelberg.
- Kiparsky, V. 1967, *Russische historische Grammatik*. Bd. 2. Heidelberg.
- Křížková, H. 1960, *Vyvoj opisného futura v jazycích slovanských zvláště v ruštině*. Praha.
- Ludolf, H.W. 1696/1959, *Grammatica Russica*. Oxonii. A.D. MDCXCIV. Edited by B.O. Unbegaun. Oxford.
- Pennington, A. 1968, Future periphrases in 17th-century Russian: Some evidence from translated material. *The Slavonic and East European Review* 46, N° 106.
- Rösler, K. 1952, Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slavischen. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 2: 103-149.
- Vandas, A. 1966, *Język staroruskiego przekładu Polskich Statutów ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagelły*. Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Vlasto, A.P. 1988, *A linguistic history of Russia to the end of the eighteenth century*. Oxford.
- Vondrák, V. 1912, *Altkirchenslavische Grammatik*. 2-e Auflage. Berlin.